

Разлёгшись вдоль своего сиденья, я вполуха слушал болтовню ребят. Акира с Кей Ли в преддверии расставания с поднадоевшим всем караваном и предстоящего визита в город оживлённо болтали, активно втягивая в разговор Натала и даже молчаливого Бэйба. Парочка совершенно не выглядела людьми, озабоченными хоть какими-нибудь проблемами.

С Кеем и так понятно: он и в преддверии апокалипсиса продолжил бы балагурить, не говоря о гипотетической проблеме со стимуляторами. А Акира, не сумев найти специфичной информации об алхимстимуляторах ни в поселении охотников на монстров, ни тем более в других мелких населённых пунктах, привычно убедила себя, в том, что всё хорошо. Рыжая хорошо это умела. Разумеется, она купила кое-какую спецлитературу и собиралась поискать нужные книги в большом городе — но, судя по её риторике, лишь для того, чтобы убедиться в своей правоте.

Ну-ну, посмотрим, как она станет отрицать факты.

Натал пребывал в немного мечтательном состоянии, больше думая о своей зеленоглазой зазнобе. У-у, негодяй! Увёл у меня не только девушку, но и ученицу в её же лице. Определённо, два тортика «выкупа» — слишком малая плата за необходимость созерцать его глупо-довольную физиономию каждый день!

Ну, а Бэйб, как обычно, что-то вырезал, изредка отвечая скупыми фразами. Со здоровяком всегда было комфортно вместе помолчать.

Одна же слишком любознательная и чересчур увлекающаяся некроманси старательно дистанцировалась от разговора, всем своим видом показывая, что не стоит её дёргать. Гудящая голова и прочие приятные ощущения совсем не прибавляли желания поболтать или почитать одну из множества купленных старых газет. И нет, нынешнее состояние — не последствия шага на те же грабли самоубийственного любопытства. Это всё последствия прошлого «гениального» эксперимента над собой, который вызвал скачок синхронизации с тэйгу и куда менее приятные вещи, вроде усиления эмоционального давления артефакта и прилипшего ко мне мутного отпечатка личности прошлого владельца Яцу.

Вернее, нынешнее самочувствие — результат не самого опрометчивого эксперимента, а итоги

очередной попытки разобраться с его последствиями. Увы, как и предыдущие — не слишком удачной.

Нет, кое-каких результатов я достиг, но слишком неоднозначных. Удалось локализовать аномалию в виде странного образования, отличающегося как от энергии артефакта, так и моей. Небольшой фрагмент структурированной духовной силы находился ровно посередине одного из моих энергоцентров, в середине груди — там же, где к духовной оболочке присоединялась часть сущности Яцуфусы. Причём сила артефакта стремилась его растворить, но странное образование, находясь в центре смещения энергий клинка и его новой хозяйки, оказалось хорошо защищено от этих посягательств.

Неожиданный вселенец будил паранойю и неприятные мысли о духовных паразитах. В принципе, никаких вредных поползновений с его стороны не замечалось, иначе я бы наплевал на последствия и попытался эту мутную штуку уничтожить. Но странный осколок всё равно оставался непонятен, а оттого — потенциально опасен.

Проблема в том, что, не заглянув опасно глубоко и не поглотив слишком много силы Яцуфусы, не получалось ни воздействовать на это образование, ни даже точно убедиться, что оно являлось именно тем, чем казалось.

Похоже, придётся либо плюнуть на это дело, пока способность духовного восприятия и уровень синхронизации с тэйгу не достигнут нужной планки, либо смертельно рисковать, вновь сунувшись в механику взаимодействия духовных тел — что, разумеется, на порядок опаснее.

Таким образом, непонятное нечто продолжало вращаться в вихре энергии, словно леденец в не слишком тёплом чае, точно так же мало-помалу растворяясь.

Ну а я после серии опытов с сенсорикой остался практически в том же положении, в каком находился и ранее, только теперь начал разбираться с нахапанными вместо «плюшек» проблемами, что, естественно, напрягало и не добавляло общительности. Да и не видел я смысла в обсуждении города и мест, куда там стоит наведаться. В конце концов, мне хватило одной Эрис, которая за эти дни буквально прожужжала мне уши рассказами о городе (где она ни разу не бывала) и Фестивале, куда она так стремилась.

Сингстрим — крупный город на берегу огромного озера, занимающего площадь около восьми тысяч квадратных километров. Не Байкал с его более чем тридцатью, но тоже весьма внушительно. Однако примечателен город в первую очередь не этим. (Хотя тёплое озеро, не населённое хищными монстрами, наверное, и сделало Сингстрим популярным курортом и культурно-развлекательным центром, где проводился ежегодный Осенний Фестиваль, манящий циркачей, артистов и музыкантов со всей страны). Важнее, что в нём — кроме разного рода театров, музеев и прочих источников культурных развлечений — присутствовало множество казино, борделей и других мест, которые приводили в возбуждённое предвкушение караванную охрану.

Иными словами, мы сейчас двигались напрямик в имперский аналог Лас-Вегаса.

Начинающая Владычица Мёртвых в любом случае больше интересовалась не развлечениями, а делами, которые она могла повернуть в таком месте. Вернее, могли повернуть Счетовод и Кента, которые непосредственно ими займутся. Бывший бандит хорошо понимал своё положение и очень хотел быть полезным, хвастаясь множеством связей как в Столице, так и (в меньшей степени) в Сингстриме, через который шёл основной поток контрабанды в Южную Крепость и дальше в Столицу.

В отличие от Кенты, «бухгалтер мафии» религией головного мозга не страдал и очень хотел жить, ну или просто существовать. А существовать в комфорте он хотел ещё больше. Этот тип отчаянно меня боялся, но, тем не менее, стремился набиться в помощники, искренне веря, что даже в преисподней можно неплохо устроиться, если стать полезным её владыкам.

Посмотрим, как у него это получится.

Впрочем, даже если бывший бандит окажется сверхкомпетентен, того, что для нас с Яцуфусой появится работёнка, это не исключало. Наоборот: вероятность того, что жажда крови и смерти тейгу останется не удовлетворена, представлялась довольно низкой. Вот не верилось мне, что те люди, к которым обратится криминальный миньон, захотят остаться в рамках сугубо деловых отношений. Не тот контингент, ой, не тот!

Отстранившись от шума голосов, я постепенно переключился на воспоминания и мысли о произошедшем за минувшие дни.

* * *

Сильно продвинуться как бойцу мне не удалось. Пусть ставшие регулярными схватки против команды позволили выявить и устранить часть своих недостатков, но ребята тоже не стояли на месте, приспособливаясь к новым трюкам и повышая уровень взаимодействия. В итоге, разгромно побеждать в пяти схватках из пяти больше не получалось... разумеется, если они проходили одна за другой. В том случае, когда у меня находилось время восстановиться, у товарищей всё так же не оставалось шансов.

Да... если смотреть на боеспособность группы, прогресс выходил не таким уж плохим.

Учебные схватки оказались обоюдopoлезны: не только я оттачивал навыки сражения с несколькими противниками, но и ребята срабатывались, учась слаженно противостоять превосходящему врагу. Совместные тренировки хорошо влияли на чувство локтя и способствовали сближению команды.

К тому же полезные подсказки, которые я давал благодаря своим потихоньку растущим способностям к сенсорике, помогали им увереннее двигаться вперёд-вверх по лестнице мастерства, а мне позволили заработать ещё несколько очков авторитета.

Техника ускоренного мышления, в освоении которой у Натала и Акиры недавно появились первые успехи, тоже принесла своей изобретательнице заметную толику уважения. Создание собственных навыков считалось прерогативой самых талантливых Мастеров — тех, что не просто умели хорошо махать острым железом, но и создавали собственные школы. Не удивительно, что когда у ребят начало что-то получаться, я получил сразу несколько дополнительных очков престижа.

Дали неожиданный бонус также подвижки в развитии «связующей нити».

В очередной раз призвав Кенту, чтобы вытянуть из него немного информации об Имперской Армии и революционерах, а также взять несколько уроков сражения с владельцем пары саблябаклер, я заметил, что стал аномально быстро подбирать ключи к стилю лысого.

Лучший боец в Отряде, а после смерти Гозуки и побега Акаме, вероятно и во всей Службе Разведки, я по определению не мог быть бесталанным мечником; но и без того удивлявшая миньона скорость обучения резко скакнула раза так в три. Я не только видел, но и в некоторой степени чувствовал движения своего немёртвого наставника, благодаря чему стремительно постигал всю систему. Словно вспоминая забытое, понимал возможности противника не хуже, чем он сам.

Забавное чувство.

Увы, но повторить успех уже со способностью Прапора не вышло. Хотя я бы первая сильно удивилась, сумей я вот так просто перенять финальную форму стиля Алмазного Тела, что давала своему владельцу не только прочность, но и прибавляла изрядную толику силы и, возможно, выносливости с живучестью. Пассивка Прапора стала скорее особенностью его энергетического и отчасти физического тела, чем навыком или там стилем фехтования, и просто так её не перенять.

Точно так же обстояло дело и с Кислотным Плевком. Тот по большей части являлся врождённой способностью изменённого, отклонением в духовной физиологии, поэтому его и приходилось переделывать под себя. Да и занимался я больше контролем агрессивной энергии тэйгу и её концентрацией в малых объёмах, чем самой возможностью этим богатством плеваться.

Подводя итоги: прогресс шёл — но постепенно, без рывков. И больше в командно-социальной области.

* * *

Зато кто поистине развивался семимильными шагами, так это Эрис. Благодаря умению видеть духовную энергию, погрузившись в транс, из меня вышел действительно неплохой наставник. В освоении способностей так точно. Учитель, который сразу видит ошибки, понимает их причины и может подсказать верные шаги — изрядный чит для старательного ученика.

За несколько дней удалось вбить в блондинку не только умение произвольно входить и выходить из ускорения, но и двигаться, не выбрасывая львиную долю сил в никуда. Также

удалось научить девушку немного регулировать степень задействования духовной силы. Поначалу она, как истинный представитель скоростного типа, тратила весь запас за пару секунд реального времени, после получая упадок сил. Теперь же её хватит и на короткую схватку, и на последующую ретираду с места боя. Правда, бежать придётся, задействуя только мышцы и морально-волевые качества, но это уже намного лучше, чем обессилено повалиться прямо на месте.

Весьма неплохой, а учитывая то невеликое время, что мы тратили на тренировки — поистине превосходный результат. Собственно, сразу после пробуждения способностей и должно быть так: начальные шаги даются легко, низко висящие плоды собирать просто... если действительно стараться, а рядом вдобавок находится опытный человек, который подсказывает, что нужно делать и чего делать не нужно.

Стыдно признаться, но я, только став воспитанницей Подземной Базы, развивалась не так быстро. С другой стороны, странно сравнивать «дрессируемую» в компании сотни таких же детей четырёхлетнюю девочку со взрослой шестнадцатилетней девушкой, которая имела индивидуального наставника и отлично понимала, что от неё требуется.

Эрис оказалась превосходной ученицей: послушной, терпеливой и старательной. Если что-то не получалось, она не опускала руки, а продолжала стараться, не отказываясь от щадящих, но всё равно довольно болезненных и психологически неприятных тренировок. Конечно, телу помогали купленные «по цене производителя» препараты на основе вытяжек из органов местных монстров, но вот моральная стойкость, гибкий ум и высокая мотивация — заслуги исключительно самой Эрис.

С психологической подготовкой тоже выходило неплохо. Девушка за несколько дней пристрелила парочку монстров, а ещё несколько предварительно обездвиженных — заколола кинжалом и, под конец, содрала шкуру, выпотрошила и расчленила одного съедобного. В общем, с осознанным убийством не представляющего непосредственной угрозы противника у Эрис хоть и возникли некоторые проблемы, но она их успешно преодолела. После третьей зверушки её уже перестало тошнить, а после пятой перестал пропадать аппетит.

Правда, несмотря на столь явные успехи, ученицу у меня отобрали.

Нет, понятно, что со стороны для несведущего человека многое выглядело как избиения и издевательства над невинной девушкой. А «внучка», возвращающаяся с непонятных тренировок вымотанной, побитой, перепачканной чужой кровью и с покрасневшими глазами,

не прибавляла главе их группы теплоты и понимания. Но, во-первых, я не так уж и жестил, во-вторых, Эрис всегда могла отказаться от продолжения обучения, а в-третьих, никаким другим более мягким способом за столь короткий срок заметного результата достигнуть невозможно, и об этом я предупреждал ученицу заранее.

А насчёт психологической подготовки... что ж: как бы ни ворчал Натал, я прекрасно понимал, что учить шестнадцатилетнюю аристократку в той же манере, что и выросших в условиях Подземной Базы будущих убийц — нельзя. Моя земная часть вообще восставала против причинения моральных и физических страданий красивой девушке, к которой я питал самые тёплые чувства. Поэтому действовала «Куроме-сенсей» заметно мягче и деликатней, чем могла бы. Но моей целью всё-таки являлась подготовка из Эрис бойца в максимально сжатые сроки.

А разве мог боец бояться сражения и сопутствующих вещей? Хотя бы минимальная устойчивость к боли и стрессу абсолютно необходима!

Но тут, стоило признать, иногда случались накладки и казусы. Вроде того раза, когда, разобравшись с устроившими засаду на караван наёмниками, мне показалось, что сводить блондинку посмотреть на мертвецов — хорошая идея.

Нет, с определённой точки зрения это оправданный шаг. Так можно было подстраховаться от того, что, увидев кровь и расчленённые человеческие трупы, девушка впадёт в ступор, подставившись под удар. Но тут возникал закономерный вопрос, почему-то не посетивший мою голову, находящуюся под давлением тейгу и недавних убийств: «А зачем это нужно будущей певице?». Благо Натал меня одёрнул, э-э... то есть мне хватило ума и такта не предлагать девушке поупражняться в стрельбе и работе кинжалом уже на людях — точнее, на парочке оставленных для допроса пленных. Своих «добровольцев» я тогда уже потратил, а Рутгерт на попытку выцыганить обратно одного из пленников, вручённых его парням, устроил привлёкший друга скандал.

Я недоволю пошевелился, вспомнив разоравшегося начальника охраны. Тоже мне! Раз не захотел отдавать, то так бы и сказал, кричать-то зачем?

Правильно его Акира тараканом назвала. Вредный тип.

Выкинув из головы жадного усатого дядьку, я мысленно вернулся к своей тогда ещё ученице.

К чести девушки, стоило признать, что от открывшейся «картины в алых тонах» её не вырвало и вообще зрелище не стало для девушки таким уж шоком. Видимо, работа со зверушками подготовила её достаточно, чтобы гулять по залитой кровью земле, среди вываливших свой «богатый внутренний мир» трупов, пусть и с прижатым к носу надушенным платком — в отличие от меня, Эрис запах бойни не нравился.

Я ностальгически улыбнулся. Первые пару раз вид и специфичный аромат поля боя оказывал довольно сильное впечатление. Несколько охранников-новичков, на правах «молодых» отправленных стягивать с тел пригодное для продажи снаряжение, могли это подтвердить. Да и их более матёрые коллеги, к моему удивлению, выглядели впечатлёнными.

— Столько крови... — сквозь ткань прошептала Эрис. — Куроме, скажи, разве так уж необходимо было убивать всех этих людей?

— А это не люди, — улыбнулся я.

И под удивлённым взглядом спутницы, прожевав очередную печенюшку, продолжил:

— Это враги. Они хотели убить нас, но мы оказались сильнее и убили их. Всё просто. Это как с монстром: ты либо убиваешь, либо становишься пищей. Нет разницы, как выглядит враг, правило всегда одно — или ты уничтожишь врага, или он уничтожит тебя и твоих друзей, — закончил я с важно поднятым пальцем. — Если хочешь жить, то никакой жалости! Понятно?

— Да... Враги... Не люди... — тихо, с большими паузами бормотала девушка. — Я поняла, Куроме! Это были подлецы и негодяи, а вы сделали хорошее дело, очистив нашу Империю от грязных убийц и разбойников!

— Точно! — я улыбнулся чуть шире, уже с оттенком иронии, и пинком отбросил с дороги чью-то голову с перекошенным от страха лицом. — Добро, как всегда, победило и зверски расправилось над подлым супостатом, — вспомнив парочку проведённых опытов, не удержался

и хихикнул. — Плохо проигрывать и становиться злом.

Кушая печеньки и проводя урок практической анатомии на трупах, я ловил на себе множество косых взглядов от наёмников, занимавшихся трофеями и командовавших «сборщиками».

Тоже мне, вояки! Будто в мясных рядах никогда не бывали. Мясо и мясо. Никто из них же не зеленел при виде колбасы*, запечённого поросёнка или сочного стейка с кровью? Почему-то попытка пристыдить мужиков вызвала обратную реакцию. Кого-то даже вырвало. Да и Эрис почему-то убежала. Странные. Я неторопливо зашагал за девушкой, планируя предложить ей ещё пару «аттракционов».

/* — Раньше в качестве оболочки для колбас использовались кишки, да и сейчас так иногда делают. /

Собственно говоря, вечером после этого эпизода и закончилась славная карьера мудрой наставницы юных дворянок, прирождённого ментора и прочая, прочая, прочая. Натал и спевшийся с ним Хантер в два голоса раскритиковали мои продвинутые методики обучения, обидно обозвав их чрезмерными/изуверскими.

Правда, с Хантером, который в сердцах обругал меня больной ухорезкой, мы потом помирились. Дядькой он при близком знакомстве оказался неплохим и адекватным — просто обладал своими понятиями о плохом и хорошем, а также склонностью к гиперопёке своей «внучки».

Он, я, Эрис и Натал неплохо посидели за чаем и без лишних нервов пришли к договорённости. Недоверчивый старик почему-то считал, что Эрис не так меня поняла, и проведённая мной инициация с дальнейшим базовым обучением предполагала какие-то обязательства. Странный тип: какие могут быть обязательства, если я не давал ничего, кроме общедоступных знаний?

Мне, конечно, доводилось слышать, что некоторые боевые школы и храмы не стремились учить быстро и качественно, предпочитая морочить людям голову всякой философской мутью и тянуть из них деньги, но сами начальные навыки-то не являлись секретом. Вроде бы. Да и кто бы стал предъявлять претензии, если я ошибся? Мастер Джон, которого давненько выгнал из наставников Подземной Базы генерал Билл? Сам Билл, которого убила Акаме? А может, уже

сестра? Или ею же прирезанный Гозуки — наставник и приёмный отец Семёрки?

Смешно.

В итоге мы успокоили паранойю Хантера и вместо моей «излишне жёсткой» (вместо «изуверской» подобрешший старик подобрал более корректное выражение) системы обучения друг начнёт сам тренировать девушку по уже заметно более мягкой программе. Я, в общем-то, данному обстоятельству не огорчился, даже немного обрадовался (особенно двум тортикам «выкупа»): карьера инструктора зелёных — во многих смыслах — новичков мне всё равно не особо понравилась.

* * *

Да... наверное, чтобы стать прирождённым учителем, нужно родиться садистом. Что бы там ни говорил Кей, мне чужие страдания удовольствия не доставляли. Естественно, если страдал кто-то, не успевший мне досадить. Я тихо фыркнул, вспомнив не обидное, но раздражающее прозвище, которым меня наградил шутник.

«Подумаешь, несколько вражеских наёмников отдали свои жизни во имя науки. Ну, помучались немного. Так полевой допрос ничуть не приятнее и для здоровья не полезнее. Сам он — Доктор Боль! А всё Иводзима и его конкуренты, что послали мне отряд подопытн... в смысле головорезов. Да! Это они, хе-хе, во всём виноваты! И, пожалуй, всё-таки не стоило читать вслух тот стишок».

Впрочем, об этом чуть позже.

* * *

Как выяснилось из допроса, внезапное изменение маршрута, благодаря которому мы нарвались на дезертиров, оказалось не странной блажью главы каравана и его усатого подручного, а вполне прозорливым шагом. Им просто не повезло, уклонившись от одной засады, влипнуть в другую, отложив атаку на несколько дней. Если бы не дезертиры,

вынудившие сделать задержку, то у каравана появлялись хорошие шансы обогнать неприятеля и беспрепятственно добраться до города.

Так что продолжи мы путь по центральному тракту, как я хотел — и из-под завесы дождя на нас бы выскочили не криворукие штрафники, а матёрые, хорошо вооружённые наёмники. Конечно, результат в итоге оказался бы точно таким же: я хоть и далёк от мысли о непобедимости и неуязвимости нашей группы, но один Адепт, едва вытягивающий на это звание, и трое Учеников в сопровождении полусотни простых вояк и одного пулемётного расчёта не являлись угрозой, стоящей упоминания. Разве что они несколько фугасов по обеим сторонам дороги заложили бы. Однако подобная тактика даже армейцами не часто использовалась, что говорить о наёмниках?

Но опасность получалась небольшой лишь для нас, а охрану в любом случае сильно потрепали бы. К счастью караванчиков, удача в нашем лице пребывала на их стороне. Засаду, не скрытую завесой мороси, удалось засечь заранее и расправиться с ней в лучших традициях Отряда: внезапно напав на не успевших очухаться людей и быстро их вырезав. В отсутствие лишних глаз нам не требовалось сдерживаться, и вместо боя вышла рутинная зачистка.

Да... это не отряд убийц мятежников, которые хоть и слабаки, но в подобном количестве оказались бы опасны.

Благодаря обилию подопытных "добровольцев" удалось проверить несколько идей. Вспомнив о сомнительных результатах экспериментов, своих ошибках и насмешках Кей Ли, я недовольно дёрнул губой.

Действие усиленной резонансом с тэйгу «жажды крови» показало эффективность ниже расчётной, но и давление на разум оставалось в терпимых пределах. Вернее, так это выглядело вначале — но после, оглядываясь назад, удалось понять, что оно получилось немалым. Просто вместо даже уже какой-то привычной ненависти на меня напало состояние а-ля «весёлый социопат», которое удалось заметить далеко не сразу. А ведь прошлый раз тоже вылезло нечто похожее, когда я чуть не прибил тупых южан.

Значит, причиной стала не только злость на идиотов, но и обратное влияние от такого усиления КИ.

Неприятное открытие. Ещё и ученицу у меня из-за этого увели, вернее, из-за пришедших в голову под влиянием отдачи «отличных идей». Нужно впредь внимательнее следить за своим поведением. Идея не просто втянуть в себя побольше энергии тэйгу, а на заметный промежуток времени войти в резонанс с заточённой в клинке злой сущностью резко перестала казаться такой уж хорошей. Особенно учитывая не впечатляющую мощь итоговой способности, пригодной только для борьбы с неударёнными врагами.

Что толку отдохнувшего в моём присутствии «мяса», если я и так мог убивать простых солдат сотнями или даже тысячами? Особенно если подготовиться и использовать марионеток. М-да, неудивительно, что «жажду крови» практически не использовали в бою.

Даже на Ученике сработал только сконцентрированный импульс. А на их капитана даже он не произвёл особого впечатления. Широкоплечий светловолосый мужик со шрамом через переносицу лишь скорчил испуганную рожу, но вполне грамотно разорвал дистанцию и менее чем за десятую долю секунды выпустил в меня пять пуль из своего револьвера.

Все свинцовые пилюли неслись точно в цель — и все я, красуясь, со злобно-самодовольной улыбкой отбил мечом. Хилому Адепту было далеко до по-настоящему опасных ганфайтеров, поэтому кусочки металла летели немногим быстрее обычных пуль и не несли в себе разрушительного заряда духовной силы. Даже жаль, что тогда я не могла выпустить чёрные молнии Яцуфусы. Это отлично легло бы в образ Тёмной Владычицы Куроме.

Голос Власти (как я обозвал способность отдать приказ, подкреплённый духовным давлением) на множестве целей себя вообще не показал, совсем не оправдав своего пафосного названия. Никто из противников не пожелал реагировать на приказ: «замри!» — разве что несколько человек запнулось и один выронил оружие. Видимо, горячка боя давала сопротивление к подобным воздействиям.

Ну, или у меня не проявилось таланта в этой области. Или я что-то делал неправильно. В конце концов, оригинальный Голос Власти, которым пользовались Бене Джессерит, подбирался индивидуально под "клиента" с учётом его реакций и психологических особенностей, а я замахнулся на площадной контроль толпы, да ещё и в боевой обстановке, да ещё и без толковой предварительной отработки навыка. Ну да, усиление воздействия духовной силой — и что? При таких вводных я бы скорее удивился, если бы у меня сходу вышло что-то путное...

Пока я развлекался, остальные ребята занимались делом. В итоге совсем скоро от грозной наёмничьей банды осталась только куча трупов и несколько «добровольцев», которых

передислоцировали подальше от любопытных глаз. Вырубив стрелка, я не забыл прикарманить его явно непростое оружие (иначе как револьвер не сломался при такой скорости стрельбы? Правда, конструкция у него простейшая, ломаться особо нечему, но проверить всё равно не помешает) и оттащил капитана к остальным своим пленникам, которых попросил не трогать.

Ещё парочку наёмников, получивших по голове в самом начале боя, ребята презентовали Рутгерту и Иводзуме. Но этого я уже не застал, отправившись играть в «добротого доктора». Оное занятие и послужило источником прозвища.

* * *

Сделав надрез на очередном подопытном, приближаю к ране клинок и задеваю «целительскую силу» Яцуфусы. Обнажённый по пояс мужик выпучил глаза и, громко замычав сквозь кляп, начал активно извиваться. К несчастью для него, пациента я заранее хорошо зафиксировала, так что уползти от (ка)лекаря не получилось. Помирать он тоже вроде бы не собирался. А вот прошлый образец лечения не пережил: видимо, слишком слабое сердце. Теперь прошлый вместе с позапрошлым, на котором я пытался лечить проникающие ранения, накрытый собственной курткой, служил заменой врачебного кресла. Ещё парочка трупов валялась рядом.

«Так-с, если не погружать тейгу в плоть, то видимого поражения тканей и энергетики не наблюдается. Скорость регенерации... — на глубокий порез полилась вода, смывшая кровь. Область вокруг раны выглядела покрасневшей, но кровь почти не сочилась, а сама она выглядела чуть поджившей. — ... заметно увеличена. Нужно больше подопытных, а также время и место, где можно будет отслеживать восстановление и постэффекты на разных группах испытуемых. Да и сопутствующую боль не мешало бы уменьшить. — В случае чего я и другие убийцы Отряда могли потерпеть неприятные ощущения, но лучше обойтись без мазохизма. Впрочем, как раз мне энергия тейгу никакой боли не причиняла. — Ладненько, а теперь посмотрим, как сподручней не лечить, а калечить».

— Добрый доктор Айболит!*

Он под деревом сидит.

Приходи к нему лечиться

И наёмник, и убийца,

И мятежник, и бандит,

И чиновник-паразит!

/* Автор оригинала — Корней Чуковский./

Погрузившись в мысли, я циклично бормотал переведённое на имперский язык и творчески переработанное стихотворение, время от времени делая новые пометки в прихваченном заранее блокнотике.

— Всех излечит, исцелит

Добрый доктор Айболит!

Он под деревом сидит...

— Ай-ай, Куроме-чи, не знал что у тебя такие наклонности! — раздался голос подошедшего Кей Ли.

— Нормальные у меня наклонности, не отвлекай, — отмахнулся я от зубоскала и, записав результаты очередного опыта, потянулся к мешочку с вкусняшками.

— Конечно-конечно! Пытать пленного, сидя на трупах его предшественников — совершенно нормально и даже немножечко мило! — ёрнически усмехнулся Кей.

— Очень смешно. Ты же знаешь, что я не получаю удовольствия от пыток, — увидев полное скептицизма выражение, добавил:

— Это эксперимент. В теории сила моего тэйгу способна лечить, — скепсиса на лице парня только прибавилось, — просто пока лучше получается пытать и калечить, — пришлось

признать очевидное. — Но я стараюсь.

— Да-да, наша милая маленькая доктор Боль вылечит всех! А тех, кто не захочет лечиться, поймает и тоже вылечит! — покивал брюнет, пнув скрюченное тело.

— Ты чего пришёл? — смерив хохмача взглядом, спросил я.

— Натал просил притащить главного у этого мяса, но, как вижу, он у тебя уже сломался. Тоже, ха-ха, не пережил лечения?

— Нет, я хотела проверить, будут ли стимуляторы работать на мёртвой марионетке, если накормить ими ещё живого. Не работают. Ладно, пошли, — поднявшись со своего импровизированного кресла, отряхиваюсь и, прибив так и не дождавшегося своей очереди счастливого, отправляюсь к каравану.

Кей последовал за мной, радостно упражняясь в остроумии на тему целительских талантов новоявленного Доктора Боль.

Засранец.

* * *

После зачистки наёмничьей банды репутация опасных отморожков за нами только укрепилась. Как оказалось, наша группа уничтожила отряд, считавшийся довольно сильным и известным среди таких же слабаков: «какие-то там Головорезы кого-то там» или ещё как. После этого дня, стоило нам пересечься с Рутгертом, как лицо усатого начальника охраны принимало выражение мрачного удовлетворения — словно у человека, убедившегося в правильности своих подозрений.

Наверное, не стоило в ответ на вопрос: «Что ты сделала с капитаном отряда?», — отвечать, что

немного с ним поиграла и он сломался.

А может, не стоило добавлять, что если усач не перестанет орать, то я могу поиграть и с ним.

«Мда, уже который раз зарекаюсь быть осторожнее с энергией тейгу и беречься от влияния артефакта, но каждый раз одно и то же. Конечно, по-другому сопротивляться влиянию Яцу не научишься, но лучше таким заниматься в одиночестве или хотя бы подальше от чужих глаз».

Зато возник и чудесный положительный эффект: большая часть раздражающих злых взглядов исчезла или превратилась в испуганные. Ну да — понимание, что «наглые юнцы» оказались значительно сильнее и кровожаднее, чем казалось, мгновенно прочистило мозги и добавило почтительности исходящим ядом идиотам.

Что поделать? Страх в этом плане гораздо надёжнее благодарности, редко встречающейся в среде голокожих разумных обезьян.

* * *

Не обошлось и без забавных происшествий. Я улыбнулся, вспомнив «ответный удар» по нашему отрядному остроллову.

Темноволосый юморист Робби, почувствовав, что опасливое отношение распространяется и на артистов, как спутников постоянно находящейся в нашей компании Эрис, ходил гоголем. В отличие от тупых южан, забавный красноносый мужичок вызывал некоторую симпатию. Он любил поболтать и знал множество разнообразных баек и анекдотов, которыми охотно делился даже «насухую». А уж если презентовать ему бутылку...

Наёмники, ещё недавно отвешивавшие пинка набравшемуся шуту, увидев такое дело, начали вести себя гораздо учтивее. Особенно это проявилось после того, как я специально, перед большим количеством караванщиков, презентовал Робби бутылку коньяка и подмигнув, заявил: «Сын вас не забывает!». Надо ли говорить, кого назначили в сыновья шута-алкоголика, учитывая их внешнюю схожесть с Кей Ли?

А вот не надо было смеяться над сокомандницей, называя её — Доктор Боль!

Месть сладка.

Всплывшая в памяти физиономия ругающегося Кей Ли вызвала злорадное хихиканье в мыслях. Вслух я только тихо фыркнул, пожалев об отсутствии в Империи фотоаппаратов (в широком доступе уж точно), и вернулся к размышлениям о своей теперь уже не ученице.

* * *

Несмотря на некоторые опасения, мои тренировки и проведённое в компании «цепных псов прогнившей Империи» время не оказали слишком уж сильного влияния на будущую певицу, по крайней мере, плохого. Внешне уж точно. Эрис осталась всё такой же улыбчивой и открытой девушкой, с удовольствием исполнявшей для ребят свои позитивные песни и подтягивавшей мои скромные навыки в пении и игре на гитаре.

С другой стороны, она стала относиться к крови и трупам куда спокойнее, чем даже некоторые наёмники, без всякого колебания убивала и потрошила монстров и в целом стала заметно увереннее в себе. В зелёных глазах светловласки, кроме привычной весёлой и немного наивной открытости, стала проглядывать внутренняя твёрдость. Реакция на внезапную опасность с испуга и непонимания сменилась на готовность к бою.

Я не знал, что стало причиной столь быстрых изменений, но считал, что отчасти виновата (в том числе) обрётённая сила, которая, вероятно, оказывала некоторое влияние на сознание. Далеко не такое сильное, как Яцуфуса, норовящая свести меня с ума — в конце концов, сила девушки была полностью её собственной — но всё же, всё же...

Решительность и подсознательная готовность к конфликту прослеживалась в каждом воине духа без исключений. Похоже, когда Эрис вернётся домой, её нелюбимого папашу ожидает большой сюрприз.

Быть может, хе-хе, даже смертельный.

Хотя я, конечно, преувеличиваю. И очень сильно. Реакция на опасность — это одно, а способность хладнокровно убрать мешающий живой элемент из картины мира — совсем другое. Тут уже нужен или специфичный склад характера, или целенаправленная ломка психики, которой я, разумеется, не занимался, да и не умел.

Если исключить тренировки и дорожные приключения, то в повседневном общении наша команда не очень-то отличалась от обычной компании путешествующей молодёжи и поэтому не могла сильно повлиять на разум милой блондинки. Наверное. Мне хотелось верить, что я не запустил процесс преобразования начинающей певицы во что-то более тёмное.

И стремительно развивающиеся отношения девушки с Наталом подкрепляли мою веру. Эрис неоткуда черпать внутреннюю тьму, а значит, всё в порядке. Уже через день после того, как она расправилась над Шариком и обрела способности воина духа, по лицам парочки, а особенно идиотской улыбке на физиономии командира нашей пятёрки, стало понятно, что они пришли к постельной кульминации своего романа. А чуть позже меня выловила сама Эрис и, не интересуясь желанием слушать, поделилась подробностями.

Это вышло... странно.

Никогда в прошлой жизни не чаял оказаться в роли подружки, которой красивая девушка будет рассказывать о своём «первом разе». Да и во второй жизни подобное меня как-то миновало, я мало интересовалась такими вещами. И откровенно говоря, лучше бы миновало и дальше.

И куда только делась та стеснительная скромница? Или это такая своеобразная месть за жестковатые тренировки?

Точно! Наверняка блондинистая редиска, чувствуя мою растерянность и некоторую неловкость, специально вываливала на моё бедное сознание ТТХ друга (вот уж чего-чего, а этого мне знать не хотелось точно!), свои любовные переживания и прочее. Ещё и требовала советов, вредина! Будто я действительно мог что-то посоветовать девушке, переживающей прекрасную пору первой влюблённости.

Нет, сказать-то я мог многое, но скорее опошил бы светлое чувство своими раздражённо-

циничными комментариями. Но кто я, чтобы пятнать светлый проблеск черноватыми шуточками? Эрис с Наталом и так, вероятно, понимали, что их связь изначально мертворожденная, однако по обоюдному молчаливому согласию игнорировали сей факт, наслаждаясь моментом.

Вот и приходилось играть роль внимательных ушей, потихоньку познавая дзен под счастливую болтовню девушки. Главным для исполнения этой роли было запастись дзен-печеньками и пушистым дзен-Люцифером для поглаживаний.

К её чести, Эрис тоже проявляла тактичность там, где это было необходимо, и не пыталась вытянуть у Натала информацию о нашей группе. Скорее всего, у неё имелись мысли на этот счёт, но девушка не спешила ими делиться. Наше взаимодействие в этом плане можно охарактеризовать известной фразой: «Не задавай ненужных вопросов, чтобы не получить уклончивых ответов».

* * *

А ещё в дороге приключился довольно забавный курьёз: меня попыталась ограбить шайка голодранцев. Даже в некотором роде успешно.

Когда выпал черёд запрыгивать в седло и отправляться на патрулирование, я со скуки решил вырваться подальше вперёд. Там и удалось найти прелюбопытную компанию начинающих «лесных братьев». Хотя те, наверное, считали, что это они меня поймали, «неожиданно» выскочив перед глуповатым мальчишкой-всадником, за которого мужики приняли начинающую некроманси в дорожном плаще.

Видимо, «джентльмены удачи» родились под откровенно несчастливой звездой. Выйти на дорожный промысел и на первом же деле нарваться на владельца тейгу — это надо иметь действительно позорную удачу. Хотя тут как посмотреть: ведь попытавшись ограбить массовую убийцу, как минимум входящую в сотню сильнейших людей на континенте, они не только выжили, но и смогли разжиться деньжатами. Что это, если не везение с большим жирным знаком плюс?

Однако не будем забегать вперёд.

Десяток появившихся из зарослей мужичков в каких-то лохмотьях вызывал откровенно жалкое впечатление. Давешние невысокие и сублильные дезертиры в сравнении с ними смотрелись откормленными кабанчиками. Те ещё бухенвальдские пончики.* И это в конце лета! В самое сытное время! Да... паршивая и злая жизнь у простого имперского землепашца, особенно если ему не повезло жить на земле жадного и тупого лорда.

/* — Анекдот.

Взвешивание заключённых в концлагере. Первый — двадцать пять килограмм. «В газенваген!» — даёт отмашку офицер. Второй — двадцать семь. «В газенваген!» — фашисты утаскивают и его. Через несколько приговорённых к смерти заключённых на весы ступает ещё один. Тридцать пять килограмм. Главный фашист улыбается. «А ты у меня ещё поработаешь... пончик!»/

Неопытность и мешковатость горе-грабителей, что погубила бы их в другой ситуации, в этот раз спасла им жизнь. Лишь из-за отсутствия выраженной агрессии и из собственной скуки и любопытства я решил не убивать оборванцев сразу, а выяснить, что они, такие красивые, тут забыли.

— Пацан, слазь с коня и дуй отседова! — удивительно звучным, задорным голосом сказал самый крупный и предстательно выглядящий засадник — заросший грязноватой светлой бородой босой мужик в латаном домотканом рубище.

— А если нет — убьёте, дяденьки? — с ёрнической улыбочкой почти как у Кея, провокационно спрашиваю у главного оборванца.

— Убить не убьём, но к старшим уважение привьём, — почти в стихотворной форме ответил языкастый бородач. Приглядевшись, я понял, что моему собеседнику вряд-ли сильно больше тридцати, хотя на первый взгляд, из-за грязи и общей потрёпанности, можно дать и сорок пять.

— Хих-ха-ха! А ты забавный. Не буду тебя убивать.

Проворчав себе под нос что-то о стукнутых на голову девках, не иначе как по придури нацепивших штаны и в одиночку раскатывающих по опасным дорогам, бестолковых родителей

и недостатке телесных наказаний в детстве, светлородый повысил голос:

— Дура! Мы, мать твою ослицу, разбойники! Оставь коня и тикай, покуда рожки да ножки от тебя не остались!

— Правда что ли? А по мне — из вас разбойники, как из меня тёмная богиня, — продолжил я бесить мужиков, обступивших моего скакуна.

Десяток разбойников, которые вместо того, чтобы подстрелить жертву из самострелов или, приблизившись, схватить коня под уздцы и вытащить седока из седла, начали словесные препирательства — тот ещё оксюморон. Но матерились они затейливо, это да-а-а. Однако, несмотря на тяжёлое положение, мужики не хотели доводить до крови, проявляя редкое для этого жестокого мира благородство.

Действительно редкое. По опыту общения и наблюдения за самым разным контингентом я знал, что среди бедных отъявленных сволочей ничуть не меньше, чем среди богатых. В подавляющем большинстве случаев встреча одинокой девушки и, скажем, артели лесорубов закончилась бы для неё групповым изнасилованием и перерезанным горлом. Ну, а чего? Лес — закон, монстр — прокурор.

Нравы за городом, вне поля зрения власти, предельно просты. Право сильного во всей его красе.

По-хорошему, стоило бы уничтожить эту новообразованную банду вне зависимости от их поведения и обстоятельств, толкнувших её членов на кривую дорожку. Да и логично сие. Это ещё не попробовав крови и лёгких денег десяток мужиков мялся, не решаясь на активные действия — но, поднабравшись опыта, они бы уже не испытывали таких проблем, насилюя, грабя и убивая не хуже более матёрых коллег. А если нет, то их бы или зарубила охрана, или вздёрнула стража, или сожрали бродячие монстры.

И этот финал практически неизбежен. Век придорожного бандита недолог.

Но во многом именно осознание того факта, что эти невезучие мужики — которых, судя по виду, сама жизнь выгнала на большую дорогу — уже приговорены судьбой, и заставил не просто их пощадить, но дать шанс. Я ненавижу предопределённость, тем более такую паршивую.

— Ладно, дяденьки, уговорили! — улыбнувшись закипающим от гнева мужикам, я одним движением выпрыгнул из седла. — Только поясните мне, недалёкой, зачем вас на центральный тракт промышлять понесло? Здесь вам не у соседей яблоки отбирать, тут и выпотрошить могут. Совсем мёртвыми станете. Не все же такие добрые, как я.

Неблагодарные мужики вместо ответа пригрозили высечь наглую малявку хворостиной и даже попытались благословить затрециной, наглядно подтвердив тезис о том, что любая дипломатия должна сопровождаться предварительной демонстрацией силы. Потраченные полминуты, десяток аккуратных толчков и пинков, немного КИ и пара срезанных моим клинком топоров чудесным образом превратили меня из «пацана» и «наглой малявки» в «госпожу» и «вашу милость».

Дипломатия! Тонкое искусство!

Правда, с удовлетворением любопытства возникли сложности. Посмурневшие и насупившиеся оборванцы растеряли свою общительность и не стремились идти на контакт, по извечной крестьянской традиции прикидываясь косноязычными дураками.

И это только усугубилось после присоединения процессии к каравану. Хмурые мужики, подозревая нехорошее, шагали, словно смертники под конвоем.

Пришлось снова использовать хорошо себя зарекомендовавшие дипломатические навыки. И нет, никто их не бил и даже не угрожал, ну... почти. Зато по моей просьбе каждому оборвышу дали еды: половину краюхи хлеба и что-то вроде крупной редиски-дайкона. Поев, неудачливые грабители успокоились и вроде как поверили, что их ведут не на казнь. Из рассказа таки пошедшего на контакт говорливого босого блондина, который составил мне компанию, шагая рядом с конём, удалось узнать довольно занятные вещи.

Оказалось, что в бедах их деревни и ещё парочки соседних виновата... любовь. Да-да! Никаких

шуток! Именно из-за любви к некой прекрасной леди местный лордик начал год назад драть с данников своих невеликих владений по три шкуры. Ведь нужно же где-то брать деньги на дорогие подарки? Из тех же соображений был затеян ремонт поместья с облагораживанием прилегающей территории, который также проходил силами привлеченных крестьян, вынужденных пять дней в неделю «за спасибо» горбатиться на стройке, впахивая на своей земле уже по ночам.

В общем-то, для деревенских подобное оказалось неприятно, но привычно и терпимо, как выразился мой собеседник: «перебедовали б, чаго там». Только вот ко всем перечисленным неприятностям добавилась какая-то растительная болячка, пожар в амбаре с урожаем и визит наёмников, которые, намекаяще поглаживая оружие, попросили скидку на припасы.

Стопроцентную.

Лорд мужиков вместе с их проблемами послал подальше. У него любовь, а тут всякое быдло под руку лезет! Денег нет, но вы держитесь, да. Классика. Староста, который попытался воззвать к разуму престарелого ловеласа, попытавшись объяснить, что если деревня передохнет от голода или разбежится кто-куда, платить долг и аренду станет некому — кроме плетей, ничего не добился. В завершение всего, когда самые пробивные деревенские попробовали податься на заработки в город, их там избили и ограбили то ли бандиты, то ли грузчики, конкуренцию которым они пытались составить.

Вот и решились мужики, вернувшиеся к голодным семьям побитыми и без денег, на отчаянный шаг.

Что забавно: своего лорда никто из неудавшейся шайки в нарисовавшихся проблемах не винил. Виновата у них оказалась судьба. Впрочем, себя и своих компаньонов обладатель грязно-пшеничной бороды и шевелюры оправдывал схожим образом. Это не они ошиблись или оступились, это судьба такая — или их Тёмный попутал. Будто они не люди со своим разумом и волей, а бездумная игрушка высших сил.

Подобный сорт фатализма казался самым отвратительным из всех. Мне нравилось думать, что все мои победы и ошибки принадлежали мне, и винить в них, кроме себя, некого. Это гораздо приятнее и разумнее, чем считать себя марионеткой могущественных существей. С другой стороны, какое дело будущей Тёмной Владычице до веры и воззрений кучки землепашцев?

Пусть хоть Макаронному Монстру или Великой Печеньке молятся. И лучше второй.

Она вкуснее.

Не став комментировать чужие заблуждения, я направил разговор в более конструктивное русло правовых взаимоотношений. Мне стало интересно, на каких основаниях местные феодалы могли творить беспредел со свободными гражданами Империи, пусть и низшего сословия.

Оказалось — очень просто могли, ведь «свободные граждане» на практике не совсем свободны.

Если перевести путанные словесные конструкции бородача на нормальный язык, выходило, что свобода у крестьян весьма условна. То есть да: не обременённый долгами перед землевладельцем крестьянин, действительно обладал положенными по закону правами и мог жить и работать там, где хотел и когда хотел. Но сколько тех необременённых? Мало. Исчезающий вид.

Каждый лорд (а вернее, их ушлые управляющие) норовил опутать своих арендаторов дополнительными обязательствами, что выходило не так сложно даже в рамках закона. Недород? Возьми у лорда в долг, если не хочешь сдохнуть с голода. Заболела скотина? Туда же. Другие проблемы? Ты уже знаешь, что надо делать. Учитывая немаленький процент и драконовскую аренду, у многих семейств долги передавались по наследству и приобретали размеры, какие-то совсем уж нереальные для простого люда.

Должник же — это уже не совсем свободный человек, чем владельцы с удовольствием пользовались. Конечно, рукоприкладство, порча девок и прочие радующие сердце каждого помещика «милые забавы» в отношении лишь частично зависимых крестьян — вещь незаконная. Но... а кто станет судить и наказывать-то?

Правильно: такие же дворяне.

Жалобщику в лучшем случае дадут в зубы, а то и арестуют за клевету в адрес благородного.

Переехать? Пожалуйста! Только семье придётся пройти «процедуру банкротства», оставив всё движимое и недвижимое имущество и покинув негостеприимные места чуть ли не голышом. Не будь рабство официально запрещено, получалось бы ещё веселее. Но и так неплохо: народишко регулярно голодал идох как напрямую от голода, так и от сопутствующих ему болезней.

Рискнувшие же переселенцы намного чаще находили печальный конец, чем новый дом. В городах царила жесточайшая конкуренция среди таких же нищих, которых там и так переизбыток. В поселениях рубежников традиционно пренебрежительно относились к простым крестьянам, хоть и могли принять у себя семью-другую. Но рубежники потому так и назывались, что жили на рубеже опасных мест, где визит монстра или разбойный налёт — не повод для баек на годы вперёд, а вполне рядовое событие. Мало кто из мирных селян с готовностью стал бы жить в таких условиях. А среди тех, кто всё же стал бы, шанс выжить (в сравнении с местными) имели не многие.

Деревни на коронных землях — тоже не такой уж сладкий вариант. Налогов меньше, да, но зато поборов от чиновников больше; да и риск выше: государство в лице всяких столоначальников и секретарей не слишком стремилось защищать своих арендаторов. "У Императора много", блин.

Вот и не пытались крестьяне искать лучшей доли. Среди рабочих, со слов моего информатора, дела обстояли ещё «лучше». Особенно после того, как города после Южной кампании наводнили готовые работать за миску еды беженцы из южных провинций. За хлебные места велась ожесточённая борьба, легко и часто доходящая до крови. Хозяева заводов и мануфактур точно так же, как помещики, норовили опутать незадачливых работников штрафами, превратив чуть ли не в рабов-контрактников, вкалывающих по четырнадцать-шестнадцать часов в сутки за миску плохой еды, место в небольшой комнатке на пару десятков человек и... и всё: на большее нищенской оплаты попросту не хватало.

Заболел? Вымотался? Покалечился на производстве? Пшёл вон, скотина! Толпы безработных и обездоленных беженцев с радостью займут вакантное место.

Подводя итог, можно было заключить, что бытие простого человека вплотную приблизилось к тому, что, судя по описаниям, наблюдалось перед Гражданской войной четырёхвековой давности. А может, невидимая красная линия уже давно прорвана.

Совсем не удивительно, что Революционная Армия имела такую поддержку снизу. Несложно

поманить загнанных в угол людей хоть какими-то перспективами. Ну, а потом — дело техники: пройтись по ушам красивыми лозунгами, сказать неопитам то, что они хотят услышать, и понеслась. Уже неважно, за что они будут воевать — главное, что против ненавистных дворян. И плевать, что на места убитых сядут ничуть не лучшие задницы: ради куска хлеба и хоть какого-то просвета надежды люди легко станут и убивать, и умирать.

Неужели наверху этого не понимали? Хотя... в России прошлого мира большинство «лучших людей» тоже не верило в возможность революции практически вплоть до самого семнадцатого года. Вырожденцы. По всему выходило, что если не решить вопрос с нынешним дворянством, не получится решить ничего. Хотя, в принципе, чего-то подобного я и ожидал.

Что ни говори, а если страна гниёт, то гниёт она всегда с головы.

Ну что ж, не зря один умный человек писал: «С враждебным народом ничего нельзя поделаться, ибо он многочислен, а со знатью — можно, ибо она малочисленна»*. Я всегда догадывался, что шуточка про массовые казни как рецепт спасения Отечества в условиях нынешней ситуации может оказаться грустной правдой, но теперь убедился в этом окончательно. Как и в том, чьи именно казни станут залогом всеобщего спасения.

/* — Никколо Макиавелли «Государь»./

Но вернёмся к неудавшимся разбойникам. Даже после привала, когда их накормили горячим (тоже по моей просьбе), мужики до последнего ожидали подлянки, что, впрочем, не мешало отвешивать поясные поклоны, славя благодетелей и добрых богов. Признаться, это сильно раздражало, ведь в словах и поклонах почти отсутствовала благодарность — только смердел привычный, в костный мозг ввевшийся страх перед сильным. Не то чтобы мне не плевать, что там они думают, но эманации боязни от тех, кому помогаешь... неприятны.

Но что поделаться? Мелкой девчужке, пусть и не самой простой, не изменить по щелчку пальцев то, что на протяжении десятков поколений вбивалось плетью и палками господ, а в случае любого неповиновения — пушками и пулемётами солдат. Искусственный отбор, однако.

А ведь наши с Акаме родители и, быть может, братья с сёстрами влачили точно такое же существование...

Чуть позже я перехватил удаляющихся от лагеря крестьян, чтобы вдали от прокурорского взора скуповатой Акиры отсыпать им монет на еду домочадцам.

— Почему вы нам помогаете, госпожа? — после занудных и косноязычных благодарностей решился спросить глава несостоявшихся грабителей.

— Потому что хочу. И могу, — хмыкнув, ответил ему. — Вы все должны были сегодня умереть, я сломала вашу любимую «Судьбу» и теперь вы свободны. Здесь, — я кивнул на мешочек в руках главного, — хватит на год жизни всей вашей деревне. А ещё вы можете поделить деньги между собой и сбежать в город. Или можете не делить, — я подмигнул главному бородачу, — ведь золото лучше всего делится на одного. Теперь это исключительно ваш выбор и только ваша судьба.

Разведя руки в стороны, словно демонстрируя широту открывающихся возможностей, насмешливо улыбаюсь и добавляю:

— Не ошибитесь!

И, крутнувшись на месте, зашагал назад.

Золото — презабавная вещь: ведь в зависимости от выбора и поведения получателей оно могло стать как благословением, так и проклятием. Если я ошибся в человеческих качествах незадачливых крестьян, то презренный металл убьёт слишком глупых и жадных не хуже острой стали. Забавная вышла шутка.

Скрывшись за кустарником, я через секунду оказался примерно в полутора сотнях метров от сбившихся в кучу крестьян — там, откуда почувствовал приглушённый поток внимания.

Я ожидал увидеть Натала, но выяснилось, что за мной наблюдал Бэйб.

— Что, подсматриваем? — спросил, любопытно наклонив голову. — Признавайся, во всяких гадостях подозревал? Думал, что я всех убью? М? — с преувеличенным подозрением спросил здоровяка и ткнул кулаком в живот.

— Нет. Ты не злая. Если не враг. Тоже помочь хотел, — парень показал на выглядывающий из высокой, напоминающей полынь травы, пузатый мешок. — Крупа. Купил. — Судя по ставшей ещё более рубленой манере говорить, я своими шуточными претензиями смутил нашего молчаливого любителя вырезать деревянные фигурки.

— Тогда не стану мешать, — кивнув здоровяку, я, насвистывая весёлый мотивчик, направил стопы к лагерю.

* * *

Тот случай неоднозначно, но в целом благотворно повлиял на мою репутацию. По крайней мере, среди дружелюбно и нейтрально настроенных к нашей группе людей. Эрис окончательно уверилась в моей «доброте», искренне считая нашу команду кем-то вроде тёмных рыцарей, безжалостных к «негодьям», но готовых прийти на помощь нуждающимся.

«Какой наивный самообман! — полусонно подумал я. По сравнению с «борцами со злом», «негодья» выглядели безобиднее котят. Разве можно оставаться «героиней», будучи не то что по локоть, а по самую маковку в крови невинных, виноватых и «виноватых»? — вяло шевельнулась мысль. — Нет, я ничем не лучше других, такое же чудовище». — Пусть власть мне интересна по большей части только как инструмент для изменения мира к лучшему, но делало ли это лучше меня? А желание переделать мир по своим вкусам — это проявление альтруизма и патриотизма, или же высшая форма эгоизма и инстинкта доминирования?

Я и сам затруднялся ответить.

Не то чтобы это меня тяготило, но не хотелось бы, чтобы желание Эрис «стать такой же, как ты, Куроме!» когда-нибудь исполнилось. В этом мире и так слишком много ублюдков, безумцев и чудовищ, чтобы к ним добавилось ещё одно.

«Нужно было съесть побольше вкусняшек... — прокатилось в полусонном сознании. — Вечно на голодный желудок всякий мрачнюк в голову лезет...»

Мысли перекатывались всё тяжелее, ходя по всё более странным траекториям, и я, таки убаюканный движением, заснул в компании моего притулившегося у ног ушастого Люцифера.

* * *

И перед погружившимся в сновидения разумом вновь предстали кровавые небеса, чёрная полупустошь под ногами, а также её отвратительные обитатели. Густо смердело пылью, тленом, безумием, застарелой болью и страхом забившихся по щелям низших, перемешанным с их же неизбывной ненавистью.

Находясь на грани осознанности, с любопытством смотрю на свою сероватую когтистую лапу с чёрно-фиолетовым дымком вокруг когтей. Под взглядом она перетекала то в привычную девичью ладонь, то в мозолистую мужскую кисть, то в клубок щупалец, то в полностью чёрную шипастую клешню. По земле чиркнул шип длинного мускулистого хвоста.

«Да уж... красавчик. Но в глубине души мы милостивы и добры», — клыкастая пасть расходится в невозможной для человека усмешке — и я, оттолкнувшись от земли, взмываю ввысь, расправив две пары тёмно-алых перепончатых крыльев.

Примечание к части

После этой главы пойдёт заключительный эпизод первой арки, в котором произойдёт несколько влияющих на сюжет событий.

А.Н. — бечено х3.

<http://tl.rulate.ru/book/57083/4815428>